

Эльшад Алиев

Печальные рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эльшад Аликули оглы Алиев

Печальные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57427476

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов из современной жизни, финал которых довольно таки печален Содержит нецензурную брань.

Единка

Всю свою сознательную жизнь Он делал карьеру.

Сознательную отсчитал с двенадцатилетнего возраста, когда Его назначили председателем совета дружины школы.

Был членом всех обществ: юного натуралиста, юного следопыта, защитника природы. Отличался в сборах макулатуры и металлолома.

Одним из первых вступил в комсомол и скоро избрался секретарем комитета комсомола школы. Был на прекрасном счету в райкоме, после окончания школы по направлению поступил в Высшую Комсомольскую Школу при ЦК ВЛКСМ, по окончании которой был направлен на работу за-ворготделом в райком комсомола, где развил такую бешеную деятельность, что был замечен в тихую пору застоя и направлен на учебу в Высшую Партийную Школу при ЦК КПСС и одновременно на работу в райком партии инструктором.

Ему понадобился лишь год, чтобы зарекомендовать себя прекрасным организатором и администратором, после чего направляется непосредственно в аппарат ЦК ВЛКСМ, где за четыре года взбирается до должности секретаря ЦК,

Еще через четыре года направляется в аппарат ЦК КПСС, но должность, как Он считал, не соответствующей Его способностям. Но стиснув зубы работал, чтобы доказать всем, на что Он способен. Его действительно продвигали, в ту эпоху редки были такие работяги и Его рассматривают в качестве второго секретаря в национальную республику.

Но все начало рушиться после выборов Первого и Последнего Президента Страны. Многие тогда перешли в аппарат Президента, но Он остался в аппарате ЦК и понял, что надо что-то менять, ибо мечта-стать членом Политбюро ЦК

КПСС и быть похороненным в Кремлевской стене может не осуществиться.

Но менять было сложно. Да и не успел. Развал Страны выбросил его на улицу: своей квартиры не было, цековскую отобрали. Хотя и был прописан в столице, предложили возвращаться к себе, в республику.

Всему этому было объяснение: Он был одиночкой, единка, как называли Его за глаза.

Товарищей не было: в комсомоле считали выскочкой и карьеристом, избегали.

В партии, после Хрущева, не принято было дружить, да и Он не любил с кем-то водиться. Собираться и вести беседы, обсуждать проблемы – не его, всегда считал единственно верной линию партии, Партия, считал, дает и даст Ему все.

Друзей, в прямом смысле слова, также не было. Не мог дружить, друг, по понятиям, человек, которому можно доверить сокровенное, а Он сокровенное доверять не мог никому.

Жены также не было. Долго ухаживать не мог, не было времени, остановить выбор на ком-то как-то тоже не смог, в

сексе предпочитал онанизм, вел дневник, в котором описывал свои сексуальные фантазии с возбуждавшими Его женщинами.

С родственниками давно не поддерживал отношений, после смерти матери, считал, что они только и делают, что просят Его о протекции (впрочем, так и было).

Естественно, что с квартирой вопрос решил, не цеховскую, но все-таки выделили однокомнатную на Юго-Западной.

И здесь с соседями не сходиллся, предпочитал сидеть дома и писать: размышления не о судьбе Великой Страны и ее развале, а опальным деятелям Партии: Романову, Гришину, Лигачеву, предлагал им разнообразные идеи возвращения во власть.

Демократическую Россию не принял, коммунистические организации Нины Андреевой, Геннадия Зюганова и им подобных игнорировал.

Пенсии Ему не полагалось, на работу устроиться не мог. От отчаяния отправил в издательство свой “Дневник онариста”. Приняли на ура, опубликовали, получил гонорар и предложение сотрудничать. Написал после этого еще пару

вещей, но они больше были серьезные, где-то философские – не приняли, издательство даже не стало рассматривать и вступать в переписку.

Шестого ноября тысяча девятьсот девяностого второго года принял для себя историческое решение, которое исполнил утром следующего дня.

Тщательно побрившись, надев костюм, во внутренний карман которого положил партийный билет, двинулся к Красной Площади.

Пройдя к Кремлевской стене, долго стоял возле нее, вспоминая весь свой славный жизненный путь.

Потом медленно достал заранее припасенную таблетку, проглотил и сел, спиной прижавшись к стене.

Он умер тихо и незаметно. Кроме партбилета, у него нашли предсмертную записку всего в одну строку:

“Я рад, что могу исполнить свое желание у Кремлевской стены в Семьдесят Пятую Годовщину Великого Октября!”

Его похоронили также скромно и тихо за счет государства, на могиле только Фамилия и год смерти.

Белые Носки

Лейла была самой красивой девушкой нашего НИИ, а я простым инженером.

За глаза ее называли принцессой и в нее не был влюблен, скорее всего, лишь вахтер института, старый злой татарин, которого интересовало только свое семейное положение (у него две дочки – старые девы, никак не могли выйти замуж).

В принципе, я считался завидным женихом: кроме того, что имел двухкомнатную квартиру в центре города, у меня было подготовлено золотишко для будущей женушки, а самое главное, у моей жены не было бы ни свекрови, ни свекра: мой отец был представителем Аэрофлота в Эфиопии, и два года назад, возвращаясь из отпуска, мои родители трагически погибли в авиакатастрофе.

Но главная моя беда заключалась в том, что реально за меня хотели выскочить замуж именно те, кто мне не нравился по какой-либо причине. А вот те, кого бы я действительно хотел назвать своей супругой, относились к моим ухаживаниям с прохладцей.

Естественно, что к этой категории относилась и Лейла. Я сам понимал даже не про мизерность шансов, а об их полном

отсутствии. Но так как мы работали в одном отделе, общались ежедневно, я замечал, что относится она ко мне даже лучше, чем к женской половине нашего коллектива.

А получилось это так. Была она родом из близлежащего Бакинского села, русским владела не очень и попросила меня помочь составить предложение на русском для племянницы, где обыгрывалось слово “гвоздики”. Самое смешное произошло именно тогда, когда она вместо гвоздики (в смысле цветы) поставила неправильно ударение и получилось совсем другое слово, уже в смысле предмета для забивания молотком.

Можно сказать, что после этого мы и сдружились, Лейла даже стала подкармливать меня на работе, принося из дома разносолы, варенья, разного рода печеные изделия.

Я уже знал, что сватались к ней многие, это неудивительно, но вот она никак не могла найти того, кто бы ей совсем уж запал в душу.

Однажды Лейла призналась мне:

– Знаешь, Алекпер, ко мне сватаются те, кто мне совершенно не нравится. А вот те, кто мне нравится либо женаты, либо мною не интересуются. Это меня бесит.

Как это мне было близко! Я сказал ей, что то же самое происходит и со мной.

Она как-то странно посмотрела на меня и криво улыбнулась:

– Странно, ты очень хороший парень, симпатичный, умный. Неужели ты не можешь найти девушку, которая тебе понравится?

– Я же говорю тебе, я не нравлюсь тем, которые нравятся мне. У тебя же похожая ситуация.

– Нет, не та же. Я девушка, мне сложнее. А тебе что, вот, сколько хороших девушек вокруг. Та же самая Рамина.

– Рамина девушка хорошая и симпатичная, – согласился я, – Но у нее один недостаток: от нее все время пахнет потом. Ты видела, сколько дезодоранта на себя она выливает, сколько духов, будто купается, но все равно перебить этот противный запах не может.

– Ну да, пахнет. Станный ты какой-то. Но все остальное же хорошо.

Я решил больше на эту тему не говорить.

Однажды к нам в отдел ввалился здоровенький мужчина, он именно ввалился, а не вошел. И ввалившись, быстро обвел взглядом кабинет и направился в сторону Лейлы.

Она, увидев его, сильно покраснела, вскочила и побежала к одиноко стоящему кульману. Мужик рванул за ней и, схватив за руку, рухнул на пол.

Мы не могли прийти в себя от изумления, при чем все это действие произошло быстрее, чем я его пишу.

Лейла тщетно пыталась вырвать свою руку, а мужик зататорил на азербайджанском:

– Стану я твоей жертвой, почему ты меня мучаешь, сколько будет так продолжаться? Все мои родственники перестали верить в тебя, верить мне, советуют оставить тебя, но я не могу. Как я смогу это сделать? Ты моя луна, мое солнце.

Ты от меня скрываешься, твой двоюродный брат грозился мне и угрожал. Но мне это все равно, если ты сейчас не выйдешь отсюда со мной- не знаю, что сделаю с собой, с тобой, со всеми.

Вот только после этих слов наш начальник отдела Вагиф муаллим пришел в себя.

Он в три шага приблизился к этой парочке и, крепко схватив мужика за воротник пиджака, несколько раз встряхнул.

– Эй,– обратился он к нему, – Ты кто такой? Что ты здесь вытворяешь?

Мужик, не обращая внимания на нашего шефа и на его энергичные встряхивания, продолжал держать Лейлу за руку и молил ее о пощаде, о милости и еще о чем-то.

Сама Лейла уже не пыталась вырвать руку, но вся вдруг затряслась и громко разрыдалась.

Тут Вагиф муаллим резко отшвырнул мужика к входной двери, а сотрудницы отдела подбежали к Лейле. Но она оттолкнула их и выбежала из кабинета.

Шеф рывком поднял мужика с пола и мы все увидели на его глазах слезы.

– Ай, начальник, что мне с собой поделать? Пепел мне на голову! Все родственники от меня отвернулись. Люблю я ее, жить без нее не могу. Я готов стать вот этой половой тряпкой

у нее под ногами!

Что можно было поделаться в этой ситуации? Немая сцена. Мужик отряхнул с коленок пыль и медленно вышел из кабинета. Немая сцена продолжалась.

В этот день Лейла на работу не вернулась. Ее сумочку отвезла к ней домой одна из сотрудниц и на следующий день привезла ее же заявление об отпуске.

Целый месяц о ней не было ни слуху, ни духу. А потом все резко изменилось.

На втором этаже нашего административного здания располагалось специальное конструкторское бюро, руководителем которого был молодой, тридцатидвухлетний Эльдар Мямишев, высокий, лысоватый, с постоянно бегающими глазами.

Могу с уверенностью заявить, что не нравился он никому: обыкновенный карьерист, лизоблюд, вечно высокого мнения о себе. С подчиненными вел себя вызывающе, постоянно находил в их работе недостатки, что интерпретировалось у них лишь в одно: придирается.

Вот с этим самым Мямишевым и закрутила роман Лейла,

вернувшись из отпуска.

Как это произошло – никто не мог внятно объяснить. Просто в какой-то момент он стал постоянным гостем в нашем отделе, а по окончании рабочего времени они вместе уезжали куда-то.

Никто ничего не мог понять, в том числе и я. Отношения Лейлы ко мне изменились – мы стали опять просто сотрудниками одного отдела.

Через три месяца парочка объявила о свадьбе. Она должна была состояться в одном из многочисленных домов торжеств Баку. Самое оригинальное было в том, что Лейла пригласила на свадьбу весь отдел кроме меня. Не сказать, что я был в шоке. Но изрядно удивлен-да. Меня это не сильно коробило. На свадьбу нужно было “бросить” долларов пятьдесят, не пригласили-ничего, доллары сэкономил.

И до и после свадьбы жизнь в нашем отделе продолжала течь своим чередом. Никаких изменений, даже несущественных.

Лейла вышла на работу через неделю после свадьбы. Но это была уже другая Лейла.

На эту красавицу невозможно было смотреть без возбуждения: короткая джинсовая юбчонка, облегающая белая кофточка, из под которой просвечивался белый бюстгалтер, ярко покрашенные пухлые губы. Она вся так светилась, мило шутила, громко смеялась, но... Но не со мной. Буд-то меня и не было на этом свете.

Объяснение этому было получено на следующей неделе. Мы столкнулись в коридоре во время обеда. Она буквально на минуту прижала меня к стенке и скороговоркой выстрелила:

– Я не хочу, чтобы меня он ревновал. Я только вышла замуж, мне проблемы не нужны. Дома он предупреждал. И тебя он не любит, не нравишься ты ему.

* * *

Прошло три года. За это время успел развалиться Советский Союз, наступила анархия под названием рынок. Я начал заниматься продажей в Иран металлолома, это приносило неплохой доход. Жил я нормально, но не богато, инфляция съедала большую часть доходов.

Однажды в метро я столкнулся с Эльдаром Мямишевым. Да-да, с тем самым Эльдаром, мужем Лейлы. Он радостно вскинул руки, даже обнял меня и прикоснулся своей щекой к моей, видимо, это обозначало что-то вроде поцелуя. Я не ожидал от него такого подхода и опешил.

– Как ты? Где ты?– затараторил он ,– Чем занимаешься?

-Да так. Перебиваюсь. Металл в Иран гоним с подельником.

-Ну и как? На хлеб с маслом хватает?

-Хотелось бы больше, – улыбнулся я, – На черную икру в придачу. А ты что?

-А я сам себе хозяином стал. Сантехникой занимаюсь. Частные заказы. Клиентов дофига. Нормально. Я по мелочи не берусь. Подводку сделать, ‘пятиминутку’ повесить-это да. А так, краник кому-то, нет, это мелочь.

-Ну и молодец. Домашние как? Дети есть?

-Детей нет, -улыбнулся он, -Ребенок, сын. Три месяца уже. Пару лет покантовались, а потом решили-пора, надо заводить. И дома уже мама настаивала.

-А вы с мамой живете? У тебя же вроде своя квартира была.

-Была. Продали. Деньги нужны были. Младшего брата в прошлом году женили. А так я купил квартиру на Советской, в “итальянских” дворах. Нормально. Пока переживем, потом видно будет.

Слушай, – схватил он меня за руку, -ты сейчас что делаешь? Может, поедет к нам? Посидим. Ты пьешь? Водочку возьмем, поговорим.

Вот тут я действительно выпал в осадок. Не понял такой внезапно вспыхнувшей ко мне любви. Может, и стоило отказать, послать его, но я вспомнил Лейлу и принял приглашение.

Он тут же по телефону-автомату предупредил жену о нашем приходе (имя мое не назвал, сказал с товарищем, поручил приготовить вкусный обед), я купил букет алых роз и бутылку российской водки, мы сели на такси и через пятнадцать минут были у них во дворе.

Это был обыкновенный ‘итальянский’ двор, двухэтажный, с общим туалетом во дворе. Правда, соседей было всего

двое: один из них обзавелся деньгами и выкупил большую часть квартир, устроил себе хоромы со своим санузлом, второй тоже пристроил себе в квартире клозет, так что дворовым пользовались только Эльдар с Лейлой.

Лейла встретила нас дежурной улыбкой на лице. Я даже не прочел удивления на ее лице.

– А-а, – протянула она, увидев меня, – Вот значит, какой у нас сегодня гость!

И все. Так буднично, будто я был у них в прошлую пятницу.

Я протянул ей букет цветов. Тут она улыбнулась шире: была польщена. Скорее всего, за последнее время ей никто не дарил цветов.

Мы прошли в комнату. В принципе, квартира их и была однокомнатной, просто разделена чем-то вроде ширмы на большую и меньшую половинки.

Мы сели за квадратный кухонный стол, который уже был сервирован типичными азербайджанскими яствами. Первый тост, естественно, я поднял за них. Второй персонально за нее, третий за него.

Тут пошли разговоры о Советском Союзе, о прошлой работе, о том, какие мы все были замечательные и жили дружно. На четвертый тост водочки уже не хватило и он вышел в близлежащий магазин за бутылкой. Лейла прошла за ширму. Я за ней. Она наклонилась над детской кроваткой.

-Это наш сын. Как он тебе?

Ничего необычного в младенце не было. Ребенок как ребенок.

-Он прекрасен, -проговорил я и обнял ее за плечи.

Она резко обернулась ко мне и впилась в мои губы. Я сладостно застонал и мои руки прошлись по ее телу. Почти тут же она оттолкнула меня прошептав:

– Я тебе позвоню. Потом, не сейчас. У тебя тот же телефон?

– Да, – я не давал себе отчета, хотелось продолжать ласкать ее, опрокинуть на кровать и овладеть этим прекрасным телом.

– Идем, он сейчас придет.

Она вытолкала меня за ширму и усадила за стол. Сама села напротив.

– Я всегда думала о тебе. Ты мне всегда нравился. Но выйти за тебя замуж не смогла бы. Не спрашивай, сама не знаю почему. Это мое, свое. А теперь поговорим о другом. Просто поговорим, чтобы, когда он вошел, между нами не было никакой искры.

Он пришел минуты через две.

-Ну как, как дела?

-Разговариваем. Спрашиваю его, почему не женился до сих пор. Объяснить не может.

Дальнейшее я помню плохо. Мы раздавили и эту бутылку, потом, по-моему, она вышла меня провожать, вроде я остановил такси и поехал домой.

Все последующие дни я думал о ней. Иногда о нем. Тогда за столом он говорил, что никого у них нет, все старые друзья – товарищи разбежались, каждый решает свои проблемы и он рад был увидеть меня, знакомое лицо. Но если вспомнить, что он не любил меня, относился пренебрежительно в

те времена, почему я вдруг понадобился ему сейчас?

Но все эти мысли занимали меня не долго, я отмахивался от них и вновь возвращался мыслями к ней.

Прошло более месяца прежде, чем она позвонила.

– Сегодня вечером я тебя жду. Приезжай в восемь вечера, не раньше. В восемь совсем темно. Я тебе сразу открою.

– Хорошо. А как соседи? С ними проблем не будет?

– Интересно, что ты спросил насчет соседей, а не Эльдара. Один переехал, второй открыл себе новую дверь, входит с параллельной улицы. А вот Эльдар сегодня утром уехал в район, в Гусары, какой-то клиент предложил ему выгодную работу на частной вилле. На пару дней поехал, обещал приехать послезавтра.

– Что-нибудь купить надо? Не с пустыми же руками приходить.

– Ну, вроде все есть. Купи шампанское, ”Фабер”, оно мне нравится. Пока, жду.

Я повесил трубку и не верил своему счастью. Всего через

несколько часов я буду обладать ею! Боже, неужели?

Как пролетело время до восьми, вы, наверное, понимаете. Оно тянулось невероятно долго. И вот, наконец, в восемь вечера я подошел к огромной деревянной двери прошлого века и затаил дыхание. Через несколько секунд тяжелая дубовая дверь приоткрылась и меня впустили в слабоосвещенный двор.

Не скажу, что крадучись, но как-то с опаской я прошел за ней в квартиру.

Мы сели за стол, открыли шампанское, выпили и начали болтать. Вернее, говорила больше она. О том, почему вышла тогда именно за него, о последующей жизни, о какой-то женской болезни, которая не позволяла родить, о долгом лечении, о постоянных спорах со свекровью, которая обвиняла ее во всех смертных грехах только из-за того, что она не могла родить. Удалась семейная жизнь? Трудно было ответить на этот вопрос, она и не пыталась на него ответить, да и не спрашивала себя об этом. “Кисмят”, говорила она, что в переводе означало “судьба”.

После таких разговоров я даже и не знал как себя теперь вести. Подойти обнять, впиться в губы – что-то меня сдерживало.

Она же деловито убрала со стола и прошла за ширму. Я за ней.

-Я сейчас постель приготовлю. Поздно уже. Будем спать.

Все это было сказано довольно буднично, но я все равно задрожал от возбуждения.

Она вообще все делала деловито: готовила постель, прихорашивалась перед зеркалом, раздевалась, не стесняясь меня, еще приговаривая при этом:

-Ты чего стоишь? Ложиться не собираешься?

Все это было довольно нелепо, у меня никогда так не происходило. Наконец, мы легли и началась прелюдия.

Вся эта фантастичность, нелепость происходящего должна была закончиться именно так.

В самый момент обострения фазы, именно тогда, когда сгораемый желанием я готов был войти в нее, через открытую форточку слышался визг тормозов, щелчок открываемой двери и противный голос Эльдара, благодарившего кого-то и сообщавшего, что с божьей помощью они благопо-

лучно доехали до дома.

Надо было видеть ее в этот момент. Быстрее молнии она оттолкнула меня вскочила на ноги, натянула халат.

-Быстрее же, чего лежишь? – прошипела она

Я окаменел. Незавидная судьба любовника.

Она же бросила на меня мои брюки и рубашку.

-Быстрее, быстрее. Двигайся.

Голос Эльдара еще раздавался с улицы. Я вскочил, натянул майку, трусишки, кое-как попал в штанины брюк и не мог попасть в рукава рубашки. Меня бросило в озноб.

-Давай, давай, иди к двери, он откроет, я его задержу, а ты вылетай. Носки одень, не забудь.

С не заправленной рубашкой я стал натягивать свои белые носки. Лейла подошла к входной двери и я услышал ее голос:

– Я тебя не ждала. Тише, тише, ребенок спит, иди в туалет, чтобы потом не ходить.

-Не хочу я в туалет, – рассмеялся Эльдар

-Хочешь, не хочешь – иди. Вон как приехал, вся улица на шум проснулась. Иди.

И тут же буквально схватила меня за ворот рубашки:

-Сейчас, подожди, – она прислушалась, – Все, беги, входную дверь полностью не открывай, скрипнет, чуть приоткрой и беги. Давай, пока.

Я как угорелый вылетел во двор, с легкостью приоткрыл ту самую тяжелую дубовую дверь и помчался вниз по улице. Что-то мне было не то, сначала не мог понять, потом дошло: я выбежал без туфель, в одних белых носках . Как теперь быть? Босиком было не совсем уютно, в ночи они так интересно выделялись, с другой стороны туфли остались у нее, что теперь будет? Если он их увидит?

Мимо проезжало такси. Я поднял руку.

* * *

С тех пор прошло больше двадцати пяти лет. Я уже стал дедушкой. Но все время вспоминаю ту ночь у Лейлы.

Много раз я пытался восстановить то, что не удалось тогда. Звонил ей, подстерегал у магазинов или в парке, куда она ходила гулять с малышом. Но все напрасно. Она больше не соглашалась ни на никакую близость.

-Не получилось тогда, значит не “кисмет”, – отвечала она на все мои мольбы и предложения.

Жалко, конечно, что не получилось тогда. Но все же в памяти остались те самые белые носки, о которых я рассказываю в кругу близких друзей, когда собираемся за стаканчиком чая.

ГАВРОШ

Кто и когда прозвал Азера Алиева Гаврошем – давно уже никто не помнил. И за что прозвал – также.

Обыкновенный мальчишка из поселка Сабунчи, что в пригороде Баку, больше времени проводил во дворе и воспитание, можно сказать, получал там же.

Отец его был нефтяником, работал на Нефтяных Камнях в смену из 15 дней, мать известная общественница, народный заседатель Ленинского нарсуда, победитель социалисти-

ческого соревнования на родной чулочной фабрике.

За всю свою жизнь Гаврош полностью прочел одну книгу-сказку “Колобок”.

Все остальные сказки и книги он знал по экранизациям, что не мешало ему во дворе апеллировать такими, всем известными фразами, типа:” Бедный Йорик!” , “ Быть или не быть!”, “Мне дурно !– проговорила она”, “Индейцы рядом – обозы в круг”, “Тихо, бабуля, в сарае немцы”, ”Гасконцам не нужны академии, гасконцы с детства академики” и так далее.

Естественно, что учился он из рук вон плохо, тащили его за уши только из-за матери, все-таки известная в личность в поселке.

Кое-как закончив восьмилетку, поступил в профтехучилище на слесаря-механосборочных работ, после окончания которого, по протекции матери, устроился на работу в Лениннефть оператором подземного ремонта скважин.

С первой зарплаты купил матери шейный платок, отцу портсигар (ему совершенно не нужный) и все. Больше в этой семье зарплаты Гавроша не видели.

Сказать, что внешность у него была обычная – значить ни-

чего не сказать. Вечно взъерошенный, с желтыми прокуренными зубами, заячьей губой – он все время шутил по поводу своей губы, говорил, что так легче водку пить, не выльется обратно.

По прошествии времени ему пришла повестка в армию, но опять же, по протекции матери, у него обнаружили врожденный порок сердца и советская армия лишилась потенциального воина.

В связи с таким знаменательным событием отец подарил ему мопед-мечта поэта!

И вот Гавроша дома почти не застанешь – после работы он выезжал на своем ”друге” со двора и возвращался поздно ночью.

Теперь у него появилась цель (у него реально до этого не было цели в жизни, любил перефразировать Портоса из фильма: живу, потому что живу): накопить денег на полноценный мотоцикл. Зарплату нужно было копить долго, поэтому он ударился в коммерцию: продавал старые порнографические игральные карты, такие же старые номера журналов ”Playboy”, а также женские колготки. Откуда все это доставал-оставалось загадкой.

Видимо, все это приносило неплохой доход, уже через шесть месяцев Гаврош купил поддержанный “Иж-Планта-Спорт” и с шумом разъезжал по поселку.

В эти же времена в семье произошло несчастье: вертолет, везущий очередную смену нефтяников на Нефтяные Камни, среди которых был и отец Гавроша, потерпел аварию недалеко от моря. Никто не погиб, но все получили увечья различной степени тяжести.

Отца поместили в больницу. У него была куча переломов, а также сотрясение мозга, врачи говорили, что он может остаться инвалидом.

Естественно, что мать все время проводила рядом с супругом. И здесь же в больнице они вместе решили женить Гавроша. Женитьба, решили они, заставят сына образумиться, больше времени проводить дома, а отец, часто теперь думающий о смерти, хотел увидеть внуков.

Девушку нашли здесь же, в больнице. Медсестра Зарифа не была красавицей, даже симпатичной ее назвать было трудно, но она была очень деловой и знала конкретно, чего хочет в этой жизни.

Гавроша тут же познакомили с ней. Ему было все равно:

раз родители решили, значить, надо жениться. К тому же у него был всего один сексуальный опыт и возможность заниматься сексом когда хочешь и не платить за это ему очень импонировала.

Самой Зарифе Гаврош совершенно не нравился, но ей уже было двадцать шесть, а женихами на пороге их дома и не пахло. Дамоклов меч под названием старая дева опускался все ниже над ее головой. Посоветовавшись дома, она решила принять предложение родителей Гавроша.

Отец Зарифы, старый совхозник, уже и не чаял выдать дочь. О матери и говорить нечего.

Ждали выздоровления отца Гавроша, чтобы провести все необходимые процедуры по местным обычаям сватовства. Но через несколько дней произошло чудо: К Зарифе посватался дальний родственник и они тут же дали согласие, благополучно забыв о Гавроше.

Он сам этому совсем не опечалился. Больше огорчились родители. Наконец-то они поняли, что найти девушку для сына станет проблемой.

Гаврош же все больше окунулся в мир мотоциклов и мечтал о дне, когда приобретет Харлей Дэвидсон.

Итак, проходили года, старели родители, становился старше сам Гаврош. Взросление не добавило ни ума, ни красоты, наоборот, он еще более подурнел. По его признаниям, даже известные шлюхи города отказывались отдаваться ему, а большие деньги за двадцать минут физиологической потребности он платить ментально был не готов.

Своими рассказами, как надо “оприходовать” козу или собаку он не только вызывал смех окружающих, но стал известным далеко за пределами своего поселка, так как никто еще не признавался в своих сексуальных приключениях с животными.

Так продолжалось до его тридцатилетия, когда он сделал себе великолепный подарок: купил новенькую “Яву”. Отец к этому времени полностью ослеп, все заботы и по уходу и по дому полностью легли на мать. Она часто и причитала, что пора невестку домой привести, много говорила об этом с соседками, а те отвечали, что им не невестка нужна, а служанка в лице невестки.

Наконец, для Гавроша подобрали достойную пару. Девушка русская, из соседнего поселка, знакомая дальних родственников, правда, взрослая, ей уже тридцать пять, но из хорошей семьи, отец, Александр Петрович, заслуженный

строитель, до последнего времени прорабом в домостроительном комбинате работал, мать домохозяйка, у них собственный дом с палисадником, отзывы о семье самые благоприятные. Девушку зовут Зоя, крупная такая, дородная баба про таких говорят. Некрасивая, правда, но это не имеет значения, да и понятие красоты у всех разное.

Устроили смотрины, привезли и Зою, и родителей ее к себе, Гаврош новую рубашку-гавайку одел, новые джинсы, как только Зою увидел – сразу желание почувствовал, на кухню, вслед за матерью вышел и выпалил, мол, долго болтать не надо, все хорошо, о свадьбе договариваться надо.

Но в этот день решили не торопиться. Отец Зои пригласил их на следующей неделе к ним, обещал шашлычком на свежем воздухе в собственном палисаднике угостить.

И мать и сам Гаврош горели таким желанием, что не дни, часы считали до выходных.

И удивились, когда увидели толпу, мило встречающих их у порога. Тут были и родственники и соседи. Расселись за большим прямоугольным столом и первый тост поднял Александр Петрович за Гавроша с матерью. Мать не осталась в долгу, произнесла тост за их семью и даже пригубила шампанского.

После четвертого тоста Александр Петрович неожиданно выступил с большой речью, в которой затронул самое главное: будущее их детей. Мать Гавроша сконфузилась, необычно тут все было и не по обычаям, но тут Гаврош встал, подошел к отцу и во всеуслышание сказал то, чего от него никто не ждал: тянуть тут нечего, ему девушка нравится, пригласили их сюда уже не ради знакомства, и так знакомы, а раз так, пусть здесь же родители и скажут свое слово. Все расстрогались, якобы, хотя втихомолку посмеивались, необычно все это было, никогда еще не видели они, чтобы дочь вот так вот, на втором свидании отдавали, да еще в присутствии соседей.

Ну, отец кивнул в сторону дочери и сказал, что принимать решение ей. Зоя выбежала из-за стола домой. Мать и пара родственниц за ней. Через некоторое время вернулись и сообщили радостную весть: девушка согласна. Тут пошла такая гулянка!

Гавроша с матерью к вечеру отвезли на такси, войдя к себе домой, даже не рассказали слепому отцу ничего из происшедшего, бросились друг другу в объятия и зарыдали. Оказывается, и Гаврош мог плакать!

После этой вечеринки новоявленные родственники зача-

стили в семью Гавроша, решили не откладывать дела в долгий ящик и уже на днях провести обручение, чтобы в следующем месяце организовать свадьбу. Тяжелое положение отца Гавроша тоже играло роль, мужик сдавал на глазах, по местным обычаям, умрет, не дай Бог, жди теперь еще год.

Тут все и закопошились, стали кольца покупать, мать Гавроша в долги залезла, кучу подарков для невесты надо, единственного сына женит, ну и что, что невестка русская, обычай никто не отменял, все по местным законам должно быть.

А Гаврош тем временем с Зоей все время проводил, пару раз на мотоцикле ее прокатил, хотел и ее научить ездить, но она боялась, соглашалась только сзади, крепко обхватив его руками.

До обручения оставалась неделя. Мать у знакомых приобрела новую сирийскую кофточку, в размерах сомневалась, послала Гавроша к Зое для одобрения.

Он на своем мотоцикле и небольшим рюкзаком за спиной, где кофточка лежала, выехал к ним. Уже при выезде решил показать Зое свое искусство вождения.

Приближаясь к их дому, он увидел отца Зою, мирно сидящего в своем палисаднике и пьющего чай.

Гаврош при подъезде резко нажал на газ и приподнял мотоцикл на заднее колесо. Но не удержал равновесия, мотоцикл просто вылетел из-под него, проломил жиденький заборчик палисадника и налетел на отца. Тот даже не успел ничего понять, только привстал со стаканчиком чая в руках.

Удар оказался такой силы, что отбросил его к стене дома. Сам Гаврош больно ударился головой и некоторое время лежал неподвижно. На шум выбежала Зоя, потом соседи. Все окружили Александра Петровича и причитали. Догадались вызвать скорую. Приехавший врач констатировал смерть, скорее всего от черепно-мозговой травмы, но точнее скажет вскрытие.

Тут же приехала милиция. Гавроша арестовали, предъявили обвинение. Тут мать уже не помогла, ее время в заседателях давно прошло. Гавроша осудили по статье совершения преступления по неосторожности на пять лет в колонии общего режима.

Исмаил и Джульета

Я исполнял обязанности начальника отдела гарантийно-

го и послегарантийного обслуживания машиностроительного завода в то время, когда были в моде выборы директоров предприятий.

Естественно, директором и выбрали исполнявшего эти обязанности Тофика Кахраманова, члена ЦК КП Азербайджана, члена Ревизионной комиссии ЦК, фактического хозяина района, перед кем стелился первый секретарь райкома и которого прочили в секретари ЦК.

Через несколько дней после утверждения в должности директора, он позвонил мне по внутреннему телефону и предупредил, что сегодня после обеда в отделе пройдет представление нового начальника.

Я нисколько не удивился этому, так как знал, что начальником мне не бывать, несмотря на мою бешеную работоспособность в фаворитах у Кахраманова я не ходил.

Итак, после обеда в отдел вошли двое: незнакомец и замдиректора по общим вопросам.

-Товарищи, представляю вам начальника вашего отдела Исмаила Ализаде. Прошу любить и жаловать. Аличев,— обратился он ко мне, введите товарища в курс дел.

Я кивнул. Замдиректора вышел. Новый начальник обвел взглядом молчавших сотрудников.

-Товарищи,— голос у него был приятный, звонкий, привлекающий,— Хочу сразу объяснить свою концепцию: в свете перестройки и гласности мой девиз: все для дома, все для семьи. То есть работать надо так, чтобы наши семьи были довольны.

Также придется объяснить мое назначение, все равно вы будете рыскать и вынюхивать,— он широко улыбнулся,— Я зять Рачика Погосова, знаете такого? Известная личность в нашем спорте.

Он близкий друг Тофика Кахраманова. По его протекции я и назначен сюда. Скажу сразу: в вашей работе я ничего не смыслю, до этого работал совсем по другому ведомству. Но, думаю, с вашей помощью я войду в курс дела.

Эта программная речь поразила нас. До него, да и после, мы не слышали ничего подобного. Да и знакомство его с сотрудниками было не таким, к какому мы привыкли: он подходил к каждому, пожимал руку, представлялся, а дамской половине целовал руку.

Уверен, что прозвище будущего Первого секретаря ЦК

КП Азербайджана пошло из нашего отдела. Именно Исмаила Ализаде наши остряки прозвали ”бамбылы”¹, слово, ставшее популярным буквально через год.

Несмотря на такие странности (по нашему мнению), довольно скоро мы сдружились с Исмаилом.

Он был, что называется душой компании, не зазнавался, не отказывался выпить с сотрудниками даже в обеденный перерыв, водил к себе домой, познакомил со своей женой Джульеттой.

О ней надо сказать особо.

При первой же встрече я был пленен ею.

¹Пустой, несерьезный человек (азерб.) (прим. Автора)

Она была среднего роста с иссиня – черными, до плеч волосами, смуглой кожей, правильными чертами лица, что было не характерно для армянок.

Полные алые губы были созданы для поцелуев и, когда она улыбалась, то взору открывался ряд белоснежных ровных зубов.

Говорила она четко, внятно, без всякого акцента, голос у нее был мелодичный.

Формы тела были округлые, а ножки ровные, красивые, возбуждающие.

И Исмаил, и Джульетта были книголюбамии, одна комната их квартиры была отдана под библиотеку и каких только авторов здесь не было.

Мне было интересно с ними и я часто проводил свободные вечерние часы с ними.

Надо было видеть их отношения, чтобы понять, как в этой семье царит любовь.

Особенно это сильно отражалось в отношениях Исмаила

к Джульетте, отражалось буквально во всем.

Я был свидетелем того, как он выезжал на пятнадцать минут раньше шабаша, чтобы успеть забрать ее с работы(она работала бухгалтером на нефтеперерабатывающем заводе в Черном городе), видел, как он сервирует стол в гостиной, пока она раскладывает еду на кухне, видел, как он мыл посуду и убирал квартиру, пока она дышала свежим воздухом в парке(говорил, что этот моцион прописали ей врачи).

Когда я бывал у них, мне достаточно было одного взгляда на Исмаила, чтобы понять всю его любовь к ней: он буквально пожирал ее глазами, словно новобрачный.

Казалось, ничто не могло нарушить эту идиллию.

Но вот грянул ужасный восемьдесят восьмой год, страшная Сумгайтская трагедия, напряженные отношения между двумя республиками.

Все разговоры теперь только об этих событиях и были.

Но Исмаила все это не трогало.

Он все так же был весел, все так же вел работу отдела и как- будто не чувствовал грозы.

А гроза надвигалась со стороны некоторых горячих голов. Которые не могли простить ему жены-армянки и могущественного тестя.

Мы все так же продолжали дружить, но я чувствовал, что Джульетте не по себе.

Однажды у них на квартире я застал самого Рачика Погосова, который нервно ходил по комнате и гневно клеймил союзное руководство, армянских националистов и высказывал желание о вводе в Баку усиленных частей советской милиции, чтобы не повторилась Сумгайтская трагедия.

На мой вопрос, а почему бы не в Армению, ведь там изгоняют местных азербайджанцев, где хозяйничают так называемые "бородачи", он гневно ответил в том роде, что из Армении изгоняют, это, конечно, нехорошо, но в Азербайджане убивают, что не одно и то же.

Признаться, обстановка тогда была не совсем ясной, полной информации не было и вести споры можно было только основываясь на слухах. А тягаться с Погосовым я тогда не мог.

Так тревожно прошел год, обстановка еще более ослож-

нилась.

Однажды Исмаил подошел ко мне перед обеденным перерывом и предложил выйти покурить.

В коридоре он поведал мне интересные подробности.

Во-первых, Джульетта беременна.

Во-вторых, Погосов решил уезжать в Швецию.

В-третьих, Исмаил и Джульетта тоже собираются переезжать за кордон.

В-четвертых, так все решено, мне нужно помочь ему в продаже библиотеки, а также мебели и домашней утвари.

Я был шокирован. Как так, в Швецию, за просто так?

Ну, конечно же, не просто так, все заранее Погосовым было обдумано.

Самая спокойная страна с развитым социализмом готова принять беженцев-армян из “варварского” Азербайджана, Погосов также наладил связи с тамошними спортивными деятелями, и они заинтересованы в его опыте.

Исмаил и Джульетта тоже решили уезжать, но она хочет именно в Германию и он ей не перечит.

На мой вопрос, почему не в Армению или в Россию, как многие армяне и сделали, Исмаил ответил, что тещу уже отправили в Ереван и она по телефону жаловалась на местные условия, там не лучше и зачем вообще нужна Россия, если есть возможность выехать на ПМЖ за границу?

Мне нечего было возразить, и я высказал свое “да” для помощи в продаже библиотеки и домашней утвари.

Книги продали довольно быстро, в те времена чтение еще было в ходу. Мебель тоже не задержалась.

В один из осенних дней мы проводили в аэропорт Погосова. На прощание он обещал Исмаилу позвонить.

Перед Новым годом мы собрались у меня. Джульетта сидела на диване, сложив руки на животе. Исмаил устроился в кресле напротив нее и бурно размахивал руками.

Дело было в том, что какие-то родственники Погосовых требовали немедленного приезда Джульетты в Германию, это диктовалось какой-то миграционной необходимостью.

Свою желтую ”восьмерку” они уже продали, оставалась только квартира.

Джульетта предлагала Исмаилу остаться и, решив вопрос с квартирой, выехать к ней.

Исмаил спрашивал моего совета, но я молчал. Я вообще никогда не даю советов, все равно люди их не слушают, а в этом случае я не считал себя вправе что-то советовать.

И был прав. Исмаил никогда не мог не то, что переубедить, он не мог перечить Джульетте.

Двадцать девятого декабря Джульетта вылетела в Москву.

Второго января Исмаил продал квартиру и получил наличными двадцать тысяч рублей.

Третьего января мы сидели у меня и пили водку, заедая оставшимися от Нового года закусками.

Исмаил переслал деньги от продажи квартиры Джульетте в Москву.

План был таков: рубли переводят официально в доллары и

Джульетта выезжает в Германию. На акклиматизацию, максимум, уйдет месяц, потом выезжает Исмаил, как законный супруг.

У меня, конечно, вскочил вопрос, почему бы не поехать обоим, но Исмаил объяснил это тем, что Джульетта должна вначале бросить якорь и осмотреться. Я не возражал.

Неделю Исмаил прожил у меня.

Мы вместе ходили на работу, если это можно было так назвать.

В те дни вся республика бастовала. Улицы и площади были забиты патриотично настроенными людьми. Массовое самосознание азербайджанцев заставляло их по ночам сидеть на главных площадях столицы, чтобы Советская Армия не вошла в город. Обстановка накалялась с каждым часом.

Тринадцатого января начались провокационные погромы в домах армян.

Мы, выросшие в духе интернационального Баку, как могли помогали соседям-армянам выезжать в Туркмению.

В эти же дни Исмаила приказом освободили от должности

начальника и перевели простым инженером в ОКБ.

Он написал заявление об уходе.

В ночь на двадцатое января в город вошли войска. Мы сидели дома и слышали беспорядочную стрельбу, лязг танков и матерщину солдат.

Утром улицы и площади покрыли красные гвоздики. Бесчеловечная акция родной армии против родного народа.

Мы оказались в вакууме: не работало телевидение, не выходили газеты, невозможно было куда-то дозвониться.

Мои родственники стали тяготиться присутствием Исмаила, шла третья неделя его проживания у меня. Он и сам понимал нелепость своего положения в такой напряженной ситуации, но идти ему было некуда.

В середине февраля он получил письмо из Швеции, вернее два: два письма в одном конверте.

В первом Погосов сообщал, что смог устроиться здесь, в Швеции, в городе Гетеборг, у него все нормально, но жену свою к себе взять не может. (Я так и не понял почему)

Второе письмо привожу полностью, я столько раз перечитывал его.

“Дорогой Исик!

Седьмого января я благополучно прилетела в ФРГ. Здесь меня встретили представители нашей диаспоры и дядя Сурен, он двоюродный брат дяди Камо, которого ты знаешь.

Они сами живут в Кельне и меня повезли туда, здесь мы подали мои документы в их миграционную службу.

Я пока живу у дяди Сурена, у них трехкомнатная квартира, одна комната их дочери Сильвии и я с ней.

Здесь много наших армян, еще со времен Спитака.

Нам помогает наша диаспора, а лично мне Рафаэль, он из местных армян, родился и вырос здесь, работает в торговой компании, живет с родителями.

Я никогда не забуду, как мы вместе жили, а до этого встречались.

Но теперь понимаю, что каждый должен жениться и выходить замуж за представителя своей нации.

Я знаю, что тогда ты очаровал меня, но наш брак был ошибкой и на нем также настаивал папа, до сих пор не пойму почему.

Иногда я думаю, если бы мы остались жить там, в Баку, как бы все дальше шло?

Умер бы ты, умерла бы я, и лежали бы на разных кладбищах.

Ты должен понять меня. Здесь совсем другая аура. Ты не смог бы жить здесь, среди нас, армян, которые воспринимают Карабах как свою боль, а ты всегда относился к этому шутливо.

Рафаэль очень приличный молодой человек, прекрасно говорит на армянском и немецком. Сильвия его очень хвалит и он официально сделал мне предложение, готовиться усыновить или удочерить моего ребенка.

Как это благородно!

Я думаю, ты меня правильно поймешь, рано или поздно наши дороги должны были разойтись.

Извини за сумбурное письмо, перечитала, хотела переписать, но поняла, что не смогу этого сделать.

Сначала хотела, чтобы об этом сообщил тебе папа, но решила, что честнее будет написать самой.

До свидания или прощай, Исик, желаю тебе самого лучшего и, если можешь, прости.

Джульетта”.

Исмаил прожил у меня еще три дня и потом исчез. Тихо так, по-английски, не прощаясь. Взял свою сумку спортивную и ушел. Меня тогда дома не было.

Говорят, его пару раз видели в городе. Это было весной.

А с лета девяностого о нем ни слуху, ни духу.

Вагиф

Я давно не был в Баку. Несмотря на то, что мой товарищ Вагиф не раз звал к себе.

Мы познакомились с ним в начале восьмидесятых, когда двенадцатилетним пареньком я приехал по путевке в пионерский лагерь «Гюняш».

Мой отец работал на нефтяных месторождениях в Тюмени и ему выделили путевку для меня.

Нас было сорок человек: дети нефтяников из Тюмени, Сургута и Нефтеюганска.

Там в пионерлагере я и познакомился с Вагифом. Получилось это как-то само – собой, почему-то из всей оравы приезжих он выбрал меня, и мы стали дружить.

После нашего отъезда мы долго переписывались, даже тогда, когда он ушел в армию и служил в Новосибирске.

Я пытался как-то выехать к нему, встретиться, но за два года это мне так и не удалось.

Но мы продолжали переписываться, несмотря ни что, учитывая даже лихие девяностые, слали друг другу поздра-

вительные открытки и фотографии членов семей.

И вот теперь, по прошествии двадцати лет мне снова предстояло прибыть в Баку и воочию увидеть своего товарища.

Жена помогла мне закупить подарков. Честно говоря, в этом отношении я полный профан.

Наконец, закончились проводы в аэропорту и вот я в самолете.

“Боинг” азербайджанских авиалиний мягко покатился по взлетной полосе и я, откинувшись в кресле, закрыл глаза.

Двадцать лет. Как пролетели эти года, я и не заметил. Получилось, что сознательная жизнь наша попала аккурат на развал Союза и мне, как и многим другим, пришлось перестраиваться и приспособливаться к новым реалиям. Потом была женитьба, и я окунулся в семейную жизнь. Было трудно, но благодаря моральной поддержке супруги мне удалось достичь того, чего я сейчас имею: директор по развитию крупного российского оператора мобильной связи.

За это время я не только переехал в Москву, но и обзавелся квартирой у станции метро “Красногвардейская” и небольшим дачным участком в Братеево. У меня растут два

сорванца, старший скоро заканчивает лицей и собирается идти по математической линии, у него к этому большие наклонности.

А второй у меня спортсмен. Занимается хоккеем в школе ЦСКА, тренера говорят у него большое будущее, можно будет замахиваться и на НХЛ. Вот поэтому с учебой у него и не все в порядке, постоянно на сборах, видимо, поэтому он более и самостоятелен, чем старший. Последний из тех, кого называют “маменьким сынком”, следствие того, что им больше занималась мать, пока я добивался высот в столице.

А Вагиф в эти двадцать лет много настрадался, я знал это из его писем.

После окончания школы он поступил на работу в железнодорожное депо, оттуда ушел в армию, вернулся и тут же женился. Писал, что это было желание матери, он был шестым ребенком в семье и мать говорила, что перед смертью хочет видеть его женатым, семейным, крепко стоящим на ногах.

Мать его после этого прожила еще двенадцать лет, увидела не только его свадьбу, но и рождение ребенка, а потом произошло невероятное: Вагиф узнал, что у жены есть любовник, его вместе с ней не застал, тот успел убежать, но все факты были на лицо и жена его бросала ему в лицо обвине-

ния в сексуальной неполноценности, в невозможности зарабатывать достаточное количество денег для приличной жизни да и вообще, в нелюбви к нему.

Они расстались. Меня шокировало то, что Вагиф писал о ребенке. Он был не уверен в том, что это его ребенок и не испытывал к нему никаких чувств. Исправно платил алименты, а потом оказалось, что его бывшая супруга уехала в Турцию и на этом все контакты оборвались.

Потом он вновь женился, переехал в другую квартиру, у него растет дочь и он, вроде бы, всем доволен.

Ну что ж, если у него все хорошо, то я рад за него и со спокойной совестью могу посетить его. Узнав, что я прилетаю в Баку, он предложил остановиться у него, но я категорически не хочу стеснять его и предпочел забронировать номер в гостинице.

Он яростно возражал, говорил, что это противоречит Бакинскому гостеприимству, но я был непреклонен.

Самолет приземлился в Бакинском аэропорту Бина. Через сорок минут, после получения багажа и прохождения таможенно – пограничных формальностей я оказался в объятиях Вагифа.

-Красавчик! – крикнул он, – Ты не представляешь, как я рад тебя видеть. Наконец-то ты прилетел!

-Отпусти,– выдохнул я,– Ну ты и здоровяк.

Вагиф действительно рядом со мной выглядел великаном. Выше меня на целую голову, широкий в плечах, весь такой массивный....

Он подхватил мой чемодан и двинулся к выходу. Я шел за ним, неся в руках сумку с подарками.

Мы подошли к стоянке автомашин, он открыл дверцу желтой ”Оки” и протянул руку:

-Сидаун, плиз.

-Твоя?

-Государство выделило, – то ли серьезно, то ли шутя, ответил Вагиф и продолжил:

-Сейчас быстренько заедем в твою гостиницу, забросим твои вещи и тут же ко мне.

-Что же так спешить? Прошлись бы по городу, осмотрелись.

-Еще время будет осмотреться. Дома все приготовлено, нас ждут. Жалко, что ты не согласился остановиться у меня. Неудобно, слушай. Стыдно. У нас так не поступают.

-Вот именно, неудобно. Но только мне. Как я буду вас стеснять? Мне лично в моей двухкомнатной квартире совсем будет ни к чему принимать на долгое время кого-либо. Ну, день. А так....

-Ты не обижайся, – выруливая со стоянки сказал Вагиф,-но это у тебя чисто московская психология. У тебя ты можешь и не принимать кого-то, но у нас так не принято. Разве ты не слышал о кавказском гостеприимстве?

Я промолчал и принялся смотреть по сторонам.

Машин было много, и мы двигались не так быстро.

-Говорят, у нас безработица, – нарушил молчание Ва-

гиф, – никто не работает. А ты посмотри сколько машин! И откуда? У нас здесь, у аэропорта, толкучка. Ну, рынок такой, дешевле, чем в городе. Ну как у вас на Измайловском рынке. Видишь, сколько автобусов ездят? Все на толкучку. Значит, у людей деньги есть, если и машины покупают и на толчок ездят. Везде пробки. Чтобы в центр города попасть за час раньше выезжаю из дома. Представляешь?

-Ну, недаром говорят, что Баку стал вторым Кувейтом. Хорошо живете, – улыбнулся я

-Хорошо? Второй Кувейт? Я тебя прошу, давай не будем про политику. Я человек рабочий, мне не до политики, а то я бы тебе такое рассказал, знал бы ты как, простой народ живет.

– Я тоже против политики. Мое правило такое: надо зарабатывать столько денег, чтобы не думать о политике.

-Хорошо тебе говорить. Ты у нас начальник. А у меня что? Знаешь, сколько я получаю? Шестьсот тысяч манат, это сто тридцать долларов. Кому хватит? Приходится крутиться. С этой зарплатой при наших ценах далеко не уедешь.

Кстати, не узнаешь этот круг? Это Сабунчинский, раньше здесь Ленин стоял, Ленинским кругом называли.

-Нет, не узнаю. А что?

-Да тогда, когда вы в лагерь приезжали, мимо этого круга проезжали. Думал, можешь, вспомнишь.

Ну да ладно, сейчас выедем напрямую и постараемся быстренько доехать до города.

Вагиф водил машину как заправский автогонщик. Его маленькая "Ока" виляла то вправо, то влево, практически не соблюдая правила дорожного движения, но именно благодаря этому мы минут через сорок доехали до гостиницы, где я быстренько оформил все необходимые документы и вновь оказался в машине Вагифа, который опять продемонстрировал свое умение водить и минут через двадцать пять мы были у него во дворе.

3.

Было начало первого ночи и я стоял на приморском бульваре и любовался ночным Баку.

Вагиф стоял рядом и не мешал мне.

После такого гостеприимства, оказанного мне, говорить не хотелось.

Дома у него нас встретили жена с дочкой, сосед с женой и двоюродный брат с семьей.

Стол ломился от всякого вида лакомств.

Когда мы подъехали, сосед уже разжег на балконе мангал и стал готовить шашлык. А потом мы очень много выпили. Нашу, российскую водку “Путинка”. Вагиф сказал, что те, кто заботиться о своем желудке и о здоровье вообще, пьют только российскую водку.

Потом был чай с восточными сладостями и разными вареньями. И много-много разговоров о политике.

О Карабахе, об армянах, о российско-азербайджанских отношениях, об азербайджанцах в России, о внутренней политике.

Честно говоря, я здорово захмелел и не хорошо помню свои слова. Меня заботило только одно: не ударить в грязь перед ними и не испортить своим поведением этот малень-

кий праздник.

Должен признаться, что пили эти трое дай боже. Я пару раз схитрил, пропустил. Да за ними и не угонишься. Вагиф все время повторял:

-Что, кушать пришли что – ли? Поднимай рюмки.

Я глубоко вдохнул влажный морской воздух и обернулся к Вагифу.

Он пригнулся к парапету и задумчиво смотрел на море.

-Тебе нехорошо? – спросил я

-Мне давно нехорошо, – вяло ответил он

-Что-то случилось? – обеспокоился я

-Знаешь, – обернулся он ко мне, – вот мы за столом много говорили. А ответа нет. Как дальше жить? Дочка растет, я старею. В последнее время все боюсь умереть. А мне умирать пока рано. Знаешь, сколько незаконченных дел?

-это на тебя водка подействовала., – улыбнулся я , – она на кого как действует. Кому петь хочется, кому спать, а на

тебя тоску наводит. Успокойся.

Мимо нас прошла молодая пара, тесно прижавшись друг к другу и весело щебеча.

-Спокойно как идут, не бояться, – проговорил я, – У нас так спокойно не пройдешь.

-У нас давно все спокойно. Благодаря Гейдар Алиевичу. Хоть до утра гуляй – обстановка под контролем.

-Слушай, а тебе домой не пора? Поздно уже.

-Домой?– задумчиво переспросил Вагиф, – Поздно? Я тебе вот что расскажу.

Это было в ночь на двадцатое января тысяча девятьсот девяностого года. Тогда обстановка в городе была ужасной. Народ сидел у костров на площадях и не собирался домой, было решено своим телами не допустить советские войска в город.

Я работал тогда в вечернюю смену. К ночи решил смотаться домой. Вышел из метро-а тут танки, машины с солдатами. Стрельба. Я струхнул и обратно в подземку. К своим. Что тогда творилось!

Ну, ты знаешь, были убитые среди гражданского населения. Их похоронили вон там, -он указал рукой вправо, – Нагорный парк. Бывший Кирова.

А через несколько дней ко мне пришел корреспондент оппозиционной газеты.

Узнал, что я в ту ночь в ночную работал. Ну и стал спрашивать меня о той ночи. А я что? Как было – так и рассказал. А он говорит: “Так нельзя, русские фашисты совершили агрессию против нашего народа, фашистская коммунистическая партия стреляла в безоружный народ. И вы были в это время там, вы герой, который без оружия, без страха вышел против озверевших фашистов в советской форме. Вы не беспокойтесь, в завтрашнем номере прочтете о себе, не ту скромную историю, которую вы рассказали ”.

Я пожал плечами. Что он говорит?

А на следующий день товарищи по работе приносят газету, где на целую страницу рассказ обо мне.

Все с интересом слушают про мое геройство: и как я вышел из подземки и как бросился наперерез бронетранспортеру и как стал помогать раненым.

Одним словом- герой.

Ну написал -и написал. Посмеялись ребята надо мной и забыли.

А через год, в годовщину событий, приходят ко мне двое, журналист и фотограф. Пока тот щелкает, журналист все меня про тот, в прошлый год, спрашивает.

Я ему говорю, что ничего этого не было, я в ту ночь просто работал.

А он мне говорит: ”Не надо скромничать, страна нуждается в героях, мы одни противостояли армии всей страны, пусть мы потеряли убитыми несколько сотен человек, но мы доказали себе и другим, что мы сильны, мы – народ”.

На следующий день в газете опять про меня, большая моя фотография и мои воспоминания. И ни одного моего слова, все выдумки журналиста.

Прошло еще четыре года. На пятилетие меня опять посетители журналисты. И опять то же самое. Только на этот раз в газете вообще ерунду приписали. Буд то я, видя весь этот ужас, приготовил на работе что-то типа “коктейля Молото-

ва”, наполнил бутылку машинным маслом, вышел из метро и с криком: “Фашисты! Нет КПСС” бросил бутылку в танк. А потом пытался уговорить солдат не стрелять.

И после этого пошло поехало. Меня стали приглашать на специальные вечера, приняли в общество, к десятилетию тех событий наградили медалью и я получил специальный статус. Через все это выдали квартиру и машину.

Каждый год в этот день меня приглашают в школы, и я рассказываю школьникам про свое геройство в ночь на двадцатое января.

И знаешь, что самое интересное? Я столько раз рассказываю историю о том, как бросал бутылку в танк с криком “Фашисты”, что очень четко это себе представляю и сам в это поверил.

Я задумчиво смотрел на него: ну, чем не герой нашего смутного времени?

История Гюлистан

1.

Гюля была моей лучшей подругой.

Ее родичи родом из Грузии, переехали в Баку после развала Союза и она пришла к нам в класс уже в середине учебного года.

Через несколько дней мы подружились, когда она предложила мне поменяться куклами (меня в школу, в потаенном кармашке рюкзака, всегда сопровождала кукла Маша), я отказалась, а она повела меня к себе домой, чтобы показать свои.

Мы тогда учились во втором классе, я пошла с ней, а за мной приходила бабушка и не найдя меня во дворе школы, чуть не умерла от переживаний, благо ей потом сказали, что видели меня уходящей вместе с Гюлей и ее старшим братом.

Меня через полчаса нашли, привели домой и строго отругали. Потом к нам пришла мать Гюли и просила за меня. Так мы и сдружились.

В одиннадцатом классе Гюлистан выделялась во всей школе. Она была высокой, метр восемьдесят, симпатичная,

никаких изъянов на лице и фигуре.

Одевалась всегда стильно, обязательно в мини-юбку с телесного цвета колготками и туфельками на шпильке. Даже зимой она ходила в мини, только туфельки меняла на классные сапожки.

Мать ее все время сидела дома, старший брат переехал в Россию, в Томск и держал там пару магазинов. Отец гнал машины из-за границы и продавал здесь.

Жили они хорошо, можно сказать, богато, по крайней мере, Гюлистан себе ни в чем не отказывала.

Все свое свободное время мы проводили вместе. Делились друг с дружкой сокровенным.

Она знала всех моих парней и никто ей не нравился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.